

А.И. Солженицын. *Один день Ивана Денисовича* (1973)

В пять часов утра, как всегда, пробило подъем -- молотком об рельс у штабного барака. Перерывистый звон слабо прошел сквозь стекла, намерзшие в два пальца, и скоро затих: холодно было, и надзирателю неохота была долго рукой махать.

Звон утих, а за окном все так же, как и среди ночи, когда Шухов вставал к параше, была тьма и тьма, да попадало в окно три желтых фонаря: два – на зоне, один -- внутри лагеря.

И барака что-то не шли отпирать, и не слышать было, чтобы дневальные брали бочку парашную на палки -- выносить.

Шухов никогда не просыпал подъема, всегда вставал по нему -- до развода было часа полтора времени своего, не казенного, и кто знает лагерную жизнь, всегда может подработать: шить кому-нибудь из старой подкладки чехол на рукавички; богатому бригаднику подать сухие валенки прямо на койку, чтоб ему босиком не топтаться вокруг кучи, не выбирать; или пробежать по каптеркам, где кому надо услужить, подмести или поднести что-нибудь; или идти в столовую собирать миски со столов и сносить их горками в посудомойку – тоже накормят, но там охотников много, отбою нет, а главное -- если в миске что осталось, не удержишься, начнешь миски лизать. А Шухову крепко запомнились слова его первого бригадира Кузьмина -- старый был лагерный волк, сидел к девятьсот сорок третьему году уже двенадцать лет и своему пополнению, привезенному с фронта, как-то на голой просеке у костра сказал:

-- Здесь, ребята, закон -- тайга. Но люди и здесь живут. В лагере вот кто подыкает: кто миски лижет, кто на анчасть надеется да кто к куму ходит стучать.

Насчет кума -- это, конечно, он загнул. Те-то себя берегают. Только береженья их -- на чужой крови.

Всегда Шухов по подъему вставал, а сегодня не встал. Еще с вечера ему было не по себе, не то знобило, не то ломало. И ночью не угрелся. Сквозь сон чудилось -- то вроде совсем заболел, то отходил маленько. Все не хотелось, чтобы утро.

Но утро пришло своим чередом.

Да и где тут угреешься -- на окне наледи наметано, и на стенах вдоль стыка с потолком по всему бараку -- здоровый барак! -- паутинка белая. Иней. Шухов не вставал. Он лежал на верху вагонки, с головой накрывшись одеялом и бушлатом, а в телогрейку, в один подвернутый рукав, сунув обе ступни вместе. Он не видел, но по звукам все понимал, что делалось в бараке и в их бригадном углу. Вот, тяжело ступая по коридору, дневальные понесли одну из восьмиведерных параш. Считается, инвалид, легкая работа, а ну-ка, поди вынеси, не проля! Вот в 75-й бригаде хлопнули об пол связку валенок из сушилки. А вот -- и в нашей (и наша была сегодня очередь валенки сушить). Бригадир и помбригадир обуваются молча, а вагонка их скрипит. Помбригадир сейчас в хлеборезку пойдет, а бригадир -- в штабной барак, к нарядчикам.

Jeden den Ivana Děnísoviče (přel. Sergej Machonin, 1991)

V pět hodin ráno, jako každý den, zazněl budíček - tloukli kladivem o kolejnici u štábního baráku. Přerývané vyzvánění proniklo jen slabě okenními tabulkami pokrytými na dva prsty námrazou a brzo utichlo; byla zima, dozorcí se nechtělo dlouho zvonit.

Zvuk ustal, a venku byla pořád ještě tmoucí tma jako vprostřed noci, když Šuchov vstával na kýbl, do okna svítily jenom tři žluté lucerny: dvě v koridoru, jedna uvnitř tábora.

Nějak dlouho nešli odemknout barák, ani nebylo slyšet, že by se služba chystala vynést na tyčích záchodovou bečku.

Šuchov nikdy nezaspal budíček, vstával, hned jak se ozval. Do nástupu měl asi tak půldruhé hodiny svého soukromého, neerárního času. Kdo se vyzná v táborovém životě, vždycky si může přivydělat: někomu spíchnout ze staré podšívky potah na palčáky, mohovitému kamarádovi z party přistrčit suché válenky přímo na palandu, aby nemusel šlapat bosky a dolovat je z hromady, nebo oběhnout sklady, okouknout, kde by se dala někomu udělat službička, zamést nebo něco přinést; anebo skočit do jídelny, chvíli sbírat misky ze stolů a odnášet je, naskládané v kupách na sebe, do umývárny – taky se přitom sežene trochu jídla. Jenže tam by se rád přiživil kdekdo, a hlavně když v miskách něco zbyde, člověk se neudrží a začne je vylizovat. A Šuchov si dobře zapsal za uši slova svého prvního partáka Kuzjomina - byl to starý táborový mazák, v třiačtyřicátém roce seděl už dvanáct let, a řekl jednou na holoseči u ohně nové várce svých zelenáčů, které přivezli z fronty:

„Mládenčí, tady platí zákon tajgy. Ale kdo je člověk, dokáže žít i tady. Víte, kdo v táboře zajde? Kdo vylizuje misky, kdo věčně dřepí na marodce a kdo chodí práskat bezpečákovi.“

Pokud jde o ty práskače, to tedy přehnal. Ti si vždycky krk zachrání. Jenže ta záchrana stojí cizí krev.

Vždycky vstával Šuchov hned, jak se ozval budíček, dnes ale nevstal. Už včera nebyl nějak ve své kůži, bůhví co to bylo, napůl ho rozrážela zimnice, napůl měl v celém těle lámání. Ani v noci se pořádně nezahřál. V polospánku mu chvílemi připadalo, že se dopravdy rozstнал, chvílemi, že je mu líp. Pořád si přál, aby ještě nebylo ráno. Ale ráno přišlo v svůj čas.

Ostatně, jak se tady zahřát – okno na prst zamrzlé a na stěnách kolem celého stropu – barák je pořádná haluzna! – bílá pavučinka. Jinovatka. Šuchov nevstával. Ležel na horní palandě dvojáku, deku a vatovaný kabát přetažené přes hlavu a chodidla v jednom rukávu blůzy. Neviděl nic, ale podle zvuků rozeznával všechno, co se děje v celém baráku i v koutě, kde spala jeho parta. Třeba teď. Dva dědci ztěžka šlapou, jak nesou po chodbě jednu z beček – vejde se do ní osm kbelíků! Prý služba pro invalidy, lehká práce. Jen ať to někdo zkusí vynést ji a nerozlejt! Ted' zase žuchla u pětasedmesátky o zem hromada válenek ze sušárny. Aha, a teď i u nás (naše parta byla dnes v sušárně taky na řadě). Parták a jeho zástupce se obouvají mlčky, jejich dvoják vrže. Zástupce teď půjde do výdejny pro chleba a parták na štáb, do výrobně plánovacího oddělení.